

СТРУКТУРА СМЫСЛА: ОТ СЛОВА К ПРЕДЛОЖЕНИЮ

Проблему, которую мы хотим обсудить, можно обозначить как выявление элементарных структур смысла в языке. Этимологически слово «смысл» связано со словом «мысль». «С-мысл» - это то, что содержит мысль. Этот смысл мы находим в лингвистических выражениях, человеческих деяниях, поступках. Все они носят осмысленный характер, если в них нет абсурда. Смысл и абсурд взаимно непримиримы. Уже одно это обстоятельство указывает на то, что смысл обладает некоторой интеллигибельной структурой, отличающей его от абсурда. Хотя смысл задается, создается и понимается человеком, в его конструкции задействованы еще три системообразующие компоненты: знаки (в частном случае — это лингвистические выражения), вещи и мысленные образы, что нашло свое отражение в модели известного семантического треугольника.

В лингвистики изучение смысла началось с такой единицы, какой является слово (или лексема). Казалось бы, что любой сложный смысл должен состояться из слов, с их помощью формируется предложение, а из предложений конструируется текст. Парадигма первичности слова долгое время доминировала и в отечественной психолингвистике. Опираясь на авторитет Л. С. Выготского, отечественные психолингвисты в моделях речепорождения всегда исходили из первичности слова. Исходная установка опиралась на идею «от слов к предложению»: первично слово, вторично предложение (или его аналог — высказывание). Правда, эта идея наталкивалась на сакраментальный вопрос: откуда же протекает смысл самих элементарных единиц, т.е. слов?

Здесь на помощь иногда приходила идея первичного означивания слов в акте номинации. Хотя исторически подтвердить эту идею пока никому не удалось, тем не менее отголоски ее еще сильны и поныне. Так, в работе А. А. Уфимцевой¹ вводится представление о первичном знакообразовании (и соответственно означивании), возникающем в процессе номинации. По мысли автора, первичное означивание, т.е. смысл, возникает в системе средств языка в акте номинации (т.е. образования знака слова), а в речи (высказываниях) появляются дополнительные вторичные смыслы². Хотя автор принципиально открещивается от понима —

ния слов как титульных ярлыков явлений и предметов действительности, трудно понять, как смысловое значение слова может возникнуть вне высказывания. Если исключить ситуацию остенсивного означивания (остенсивные определения как раз и не характерны для функционирования языка), то любое означивание слова в языке есть не что иное, как формирование его смысла, а смысл всегда является законченной мыслью, т.е. предложением. К лингвистическому означиванию не применим образ глухонемого странника, указывающего посохом на нужную ему вещь.

По мере изучения смысла слов лингвисты все более убеждались в необходимости анализа высказываний, в которых эти смыслы формулируются, проявляются и обогащаются. Постепенно сформировалась вторая парадигма, называемая пропозициональной. В ней с самого начала принималась идея о том, что исходной и минимальной единицей смысла является высказывание, содержащее хотя бы имя (предмета) и соответствующий ему предикат (свойство). В настоящее время эта парадигма доминирует в лингвистике.

Пропозициональная парадигма привела к обнаружению тонкой структуры смысла, образуемой сочетанием лексем. Вместе с тем в ходе анализа структурной организации высказываний становилось все более очевидным, что смысл высказывания хотя и не сводится к сумме смыслов образующих его лексем, тем не менее его невозможно в принципе сконструировать без смыслонесущих элементов пропозиции, т.е. исходных лексем. Возник роковой круг, напоминающий известный парадокс «курицы и яйца», Что же первично в смысле: слово или предложение? Эту проблему рокового круга смысла мы и попытаемся разрешить в нашей статье.

Семантическая концепция имен

Рассмотрение проблемы смысла полезно начать с краткого анализа концепции Фреге—Рассела³. Хотя эта концепция и не является безупречной (что было отражено в последующей критике), тем не менее она послужила логической основой для дальнейших семантических исследований смысла имен и высказываний. Нужно отметить, что в качестве Основной единицы смысла в этой концепции рассматриваются знак, знаковое выражение, имя (с точки зрения семантики, это одно и то же).

В подходе Г. Фреге знаковое «выражение» может быть представителем как имени, так и предложения. Уже здесь наметилась

его идея сближения и даже отождествления имен и предложений, В центре внимания Фреге находились так называемые собственные имена, которые лучше назвать индивидуными именами⁴. Индивидуное имя имеет двойную значимость: во-первых, оно что-то «означает», и, во-вторых, оно «обозначает» какую-либо единичную вещь. По мнению Г. Фреге, все индивидуальные имена имеют смысл и денотат (референт).

Смыслом имени, по Фреге, является тот способ обозначения предмета, который представлен в знаковом выражении. Б. В. Бирюков считает, что смыслом имени у Фреге выступает информация, содержащаяся в знаковом выражении в идентифицирующая предмет⁵. Позже начали говорить, что смысл имени выражает понятие о нем. По Расселу, смысл имени выражает некоторый мысленный концепт, характеризуемый соответствующим описанием. В науке мы привыкли к тому, что смысл каждого термина раскрывается соответствующей дефиницией. Именно дефиниция термина задает то мыслимое содержание, которое мы вкладываем в его смысл. Если вернуться к семантическому треугольнику, то смысл как раз и есть тот мысленный образ, через который знак соотносится с обозначаемой вещью. В любом случае смысл задается через некоторое описание (дефиницию, пояснение), выражающее некоторую мысль о предмете. Этот смысл, характеризующий предмет, называют еще «сигнификатом».

Рассмотрим знаковые выражения: «пересечение двух прямых», $\sqrt[3]{9}$, «ученик Платона, родившийся в Стагире». Все эти знаковые выражения, по Фреге, являются индивидуными именами. То описание, которое содержится в этих знаковых выражениях, выступает, по определению Фреге, смыслом, предопределяющим некоторую единичную вещь, т.е. денотат имени. Соответственно для первого имени таким денотатом будет «точка», для второго — число «3», для третьего — уникальное лицо «Аристотель». Уже из этих примеров видно, что слово «вещь» Фреге употреблял весьма условно, ибо ни число 3, ни точка не являются реальными вещами.

Когда говорят, что знак «нечто» *обозначает*, то имеют в виду отношение знака к денотату, а когда говорят, что знак «нечто» *означает*, то имеют в виду скрывающийся за знаком смысл. По Фреге, денотат определяется смыслом и не является независимым от способа определения предмета (т.е. смысла). Отношения между смыслом и денотатом не однозначны. Один и тот же денотат можно задать разными смыслами. Например, « $\sqrt[3]{9}$ » и

«частное от деление 6 на 2» определяют один и тот же денотат —
3. Сказанное Фреге можно проиллюстрировать рис. 1.

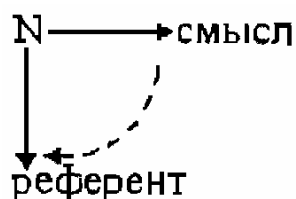

Рис. 1

Пунктирная линия от сигнификата (смысла) к денотату (референту) означает, что именно смысл предопределяет соответствующий денотат. Следовательно, денотат нельзя рассматривать как вещь реального мира, существующую независимо от языковой системы, каким бы шокирующим не выглядело такое утверждение. Вопрос о существовании реальных вещей в мире — это скорее философский (или практический) вопрос, выходящий за пределы компетенции лингвистики. О денотате можно говорить только в связи с отношением знака к вещи, причем это отношение задается смыслом знакового выражения. Если «вещь» не вовлечена в лингвистическое пространство, то мы ничего не можем сказать об этой вещи, ни о каком денотате в этом случае не может быть и речи. Для соблюдения стерильной философской чистоты следовало бы, по-видимому, ввести дистинкцию между «вещью» и «денотатом», понимая под вещь нечто реальное (но тогда уже точно «число» и «точка» не попадут в эту категорию), находящееся за пределами языкового мышления, а под денотатом можно было бы понимать эмпирический или теоретический объект, вовлеченный в языковое описание и существующий только в отношении «знак — денотат».

Существование смысла далеко не всегда обеспечивает существование денотата. Например, имена *вечный двигатель* и *самая удаленная точка от поверхности Земли* не имеют денотата. В обычном языке существует масса ирреальных имен, не имеющих денотата: кентавр, русалка, леший, ломовой. Таким образом, для понимания имени первостепенное значение имеет смысл, денотат принципиально вторичен.

В последнее время в когнитивистике обнаружено более «хитрое» инверсионное отношение — существование лакун для имен. Имеются концепты, которые в принципе наделены смыслом и соответствующим денотатом, но для них в языке нет имен⁶. Так, существуют имена *молодожены* (супруги, недавно вступившие в брак), *аборигены* (коренные жители какой-либо местности), но не существует имен для концептов *супруги*, *давно состо* -

ящие в браке, некоренные жители какой-либо местности. Это выглядит так как будто в семантическом треугольнике пропала одна из вершин, символизирующая имя (Знак), при сохранении мысленного образа и денотата.

По аналогии с анализом имен Фреге пытался рассмотреть и предложение. Под смыслом повествовательного предложения он понимает саму мысль, содержащуюся в нем, или, как он выражался, суждение. Например, суждение *В квадрате все углы прямые* утверждает наличие некоторого свойства у предмета. Поэтому нельзя сказать, что предложению соответствует некоторый денотат, скорее это понятие можно применить к грамматическому субъекту предложения, но не к суждению в целом. Видя эту трудность, Фреге принимает необычное решение: он считает, что в качестве денотата суждения можно принять его истинностное значение (ложь или истину). Эта экстравагантная идея Фреге не получила поддержки. Впоследствии некоторые исследователи вместо понятия «денотат предложения» предлагали ввести представление о «референтной ситуации» (Гак)⁷ или «положения дел в мире» (Л. Витгенштейн)⁸.

Б. Рассел, развивая идеи Г. Фреге, приходит к выводу, что имя (индивидуальное или общее) всегда является дескрипцией (описанием)⁹. Неопределенная дескрипция характеризует общее имя через признак, общий целому классу вещей. Например, *атом — мельчайшая частица вещества*. Неопределенная дескрипция не может определить единственный денотат и в лучшем случае задает целую область возможных референтов имени.

Определенная дескрипция (например, *человек, первым переплывший Ла-Мани*), наоборот, идентифицирует единственный денотат. Таким образом, было сформулировано различие между общими и индивидуальными именами. Подлинно собственные имена по Расселу не имеют смысла и являются «метками», привязанными к индивидам.

Заслугой Рассела является и то, что он ввел представление о пропозициональной функции, лежащей в основе элементарной Дескрипции¹⁰. Суть ее можно выразить следующим образом: «Существует x , обладающий предикатом $P(x)$ »; x , $P(x)$. Если на место переменных в этой формуле подставить сингулярные (постоянные) термины (конкретное «имя» например «Пушкин», и конкретный «предикат», например «поэт»), то получим ее семантическую конкретизацию т.е. пропозицию Пушкин-поэт. Идеи Рассела стимулировали пропозициональный подход к смыслу.

Смысл слова

Вернемся к проблеме смысла слова. Распространенное представление о том, что все сложные смыслы, выраженные в предложениях, фразах, текстах и т. д., образуются из слов, кажется естественным и разумным, ибо слово характеризуется своей естественной выделенностью в системе языка и речи, смысловой дискретностью, семантической самостоятельностью. Меньшие единицы (морфемы) теряют эту самостоятельность, а большие (например, предложения) сами составлены из слов.

Переход в анализе смысла от знака к слову (лексеме) усложняет рассмотрение проблемы, ибо предполагает учет той конкретики лексики, от которой сознательно отказывается семиотика. Семиотика, как известно, сложилась как абстрактная наука о знаках, в отличие от лексикологии, исследующей лексику национальных языков. Та часть лексикологии, которая сосредоточивается на проблемах смысла лексем, получила название семасиологии. Итак, переход от семантики к семасиологии соответствует вектору анализа от абстрактного (знака) к конкретному (лексеме).

Смысл слова задается его толкованием (интерпретацией). Обычно в словарях культивируются два способа толкования: через синонимы и с помощью дефинирующего описания. Синонимический способ толкования таит в себе «подводные камни». Он основан на том, что смысл известного нам слова (синонима) переносится на неизвестное. Например, *гиннопотам* = *бегемот*. Но в таком случае предполагается, что интерпретатор (слушающий, читающий) знает смысл синонима, т. е. может самостоятельно восстановить его смысл и перенести на неизвестное (непонятное) слово. Следовательно, при синонимическом истолковании смысл дан имплицитно и предполагает самостоятельную эксплицирующую деятельность интерпретатора. Ясно, что это условие идеализирует способности интерпретатора и не учитывает его субъективный запас знаний.

Кроме того, вопрос о синонимии слов оказался довольно нетривиальным и потребовал углубленных исследований понятия синонимической эквивалентности¹¹. Так, слова «рыть» и «копать», хотя и близки по смыслу, но, по мнению Ю. Д. Апресяна, не являются синонимами, ибо слово «рыть» предполагает рыхление земли чем-угодно (в том числе и костями), а «копать» землю можно только специальными инструментами (например, лопатой, экскаватором). Так же не являются синонимами пары *арендовать* — *снимать*, *кончать* — *прекращать* и т. д. Не

могут служить толкованиями и пояснения, использующие логический круг: *арестовать* — *подвергать аресту*, *беседовать* — *вести беседу*.

Идеально соответствует условию толкования смысла эксплицитная развертка слова в виде дефинирующего определения. Например, диктор — лицо, читающее перед микрофоном сообщения, передаваемые широкоэвещательной радиостанцией¹².

Вообще говоря, в толковых словарях возможно толкование только общих имен, поскольку собственные имена (Сократ, Москва) не принадлежат лексике, а индивидные (нарицательные) имена, обозначающие единичные объекты, являются, как показал Рассел, описаниями, составленными из слов.

Идеальные эксплицитные толкования опираются на гиперогипонимическую структуру имен и приближаются к научным определениям. Например, *заяц* — *животное*, *ромашка* *однолетнее травянистое растение из семейства сложноцветных*. Родовидовая дефиниция слова включает два семантических компонента: интенционал и экстенционал. И н т е н с и о н а л обычно понимается как содержание понятия, характеризующееся через классообразующий признак (предикат). Э к с т е н с и о н а л, понимаемый как объем понятия, характеризует его область референции. Лишь для индивидных имен эта область стягивается в точку, те, соответствует единичному предмету.

Однако оказалось, что лексическое значение слова гораздо богаче и пластичнее, чем толкование научных понятий, поэтому аналогия между словом и понятием в целом не реализуется в лексикографии, да и понятийное истолкование слова далеко не всегда истребуется коммуникативными задачами.

В рамках семасиологии проводится принципиальное различие между словами, выражающими имена (представленными обычно существительными), и предикатами (их функцию, как правило, выполняют глаголы, прилагательные, причастия, деепричастия, наречия, числительные)¹³. Различие между именами и предикатами было замечено уже Аристотелем. Это различие коренится в семантических функциях имен и предикатов. Имена служат для обозначения предметов, тогда как предикаты обозначают какие-либо их признаки. Тот же Аристотель ввел таксономию имен (дерево Порфирия) и типологию предикатов. В дереве Порфирия было представлено дихотомическое деление имен, обозначающих сущности: телесные — бестелесные, неодушевленные — одушевленные, нечувствующие — чувствующие, неразумные — разумные (человек). Типология предикатов

была основана на вычленении десяти признаков явлений: сущности (субстанции), количества, качества, отношения, места (пространства), времени, положения, обладания (состояния), действия, претерпевания (страдания)¹⁴.

Таксономия имен и типология предикатов схематически задавали на очень общем категориальном уровне картину мира. Таксономия имен представляла мир объектов как стройную гиперогипонимическую систему с четко выраженной иерархией, а типология предикатов задавала все возможные типы сигнификатов, т.е. смысловых характеристик объектов. Например, субстанциональный признак выражается в таком высказывании, как *лошадь — животное*, *Сократ — человек*, предикат отношения — в высказывании *сосна выше ши*, состояния — *собака больна* и т.д.

В дальнейшем выяснилась ограниченность подхода Аристотеля, который не смог учесть пластичный характер классифицирующей функции языка. Это замечание особенно касается множества имен, характеризующих мир искусственных предметов, создаваемых человеком, и классификаций лиц в многогранно стратифицированном социуме (слесарь, француз, торговец, девушка, террорист, шизофреник и т.п.). Принцип дихотомии здесь явно не выполняется.

Идеи Аристотеля продолжили жизнь в составлении так называемых семиологических классов и семантических разрядов слов на основе комплексной вариации семантических признаков слов: однозначные — неоднозначные, одушевленные — неодушевленные, исчисляемые (наличие экстенционала) — неисчисляемые, лица — нелица, реальные — ирреальные, предметные — признаковые¹⁵.

Очень важно отметить, что во всех семиологических классификациях слов принципиально различаются имена и предикаты, хотя некоторые ученые предлагают и другую терминологию¹⁶. Иногда различие между ними основывается на том, что имена (предметные) имеют денотативный характер, а предикаты (признаковые имена) — исключительно сигнификативный характер. Это замечание не является вполне корректным.

Во-первых, существуют так называемые ирреальные имена (гном, леший, домовый, кентавр и т.п.), экстенционал которых пуст, т.е. им не соответствует ни один реальный объект. Во-вторых, в языке как относительно автономной (по отношению к мышлению и реальности) системе существует внутренняя возможность трансформации слов. Известны такие трансформации, как образование существительных на основе глаголов. Например,

белый — *белизна*, *добрый* — *добро*, *бежать* *бег*, *глобальный* — *глобализация*, *кипеть* — *кипение*, *знать* — *гниение* и т.п. В таких случаях (но не всегда, ср. *добрый* — *добряк*, *бежать* — *бегун*) образуются непрозрачные имена, для которых нельзя ввести представление об экстенсionalе, с их помощью нельзя образовать суждение с кванторами. Это означает, что такие имена по своей грамматической форме предметны (субстантивны), а по существу характеризуют некоторое качество, состояние, процесс и т.п. В этих случаях говорят, что имена обладают интенсionalной природой, поскольку к ним неприменимо само понятие денотата.

С другой стороны, следует отметить, что предикаты в высказываниях могут выражаться существительными, имеющими в принципе денотативный характер. Особенно такие предикаты распространены в так называемых суждениях тождества: *осел* — *животное*, *Сократ* — *философ* и т.п.

Что же касается глаголов и прилагательных, выражающих предикаты, то они всегда заданы лишь сигнификативно. Их смысл может быть описан в словаре, но они принципиально не денотативны. Выступая в качестве каких-либо характеристик предмета, сами они не несут в себе указания на предмет, поскольку могут сочетаться с различными предметными именами.

Принципиальное различие между предметными именами и предикатами проявляется в высказывании и является функциональным. Имена и предикаты выполняют различную функцию в смыслопорождении в составе высказывания.

Семный анализ слова

Плодотворным прорывом в семиологии стал семный анализ, позволивший вскрыть системный характер слова. Семы — это составляющие, семантические компоненты смысла слова. Например, слово «кобыла» содержит такие смысловые единицы: *лошадь* + *самка*, слово «холостяк» — *мужчина* + *взрослый* + *не состоящий в браке*. Сема является минимальной дискретной единицей смысла слова. Состав сем выявляется в сопоставительном анализе различных группировок слов по критерию сходства и различия в их смыслах. Так, при сопоставлении слов в группе «слесарь, токарь, учитель, врач» обнаруживается сходство в семантических компонентах «одушевленное, лицо», но по семантическому признаку «профессия» все эти слова будут различаться. Семы, совпадающие в группе слов, называются интегральными, а семы, различающие слова по смыслу, — дифференциальными.

Семный анализ позволяет не только расщепить смысл слова

на составляющие, но и понять процесс слияния (синтеза) сем при образовании новых смыслов. Так, если взять в качестве исходных семы а (передвигаться), б (пешком), в (приближаться), г (медленно), то можно путем их комбинаций образовывать новые смыслы: (а•б) — идти, (а•б•я) — прийти, (а•б•в•г) — притащиться¹⁷.

Разложение смысла слова на составные элементы (семы) в значительной степени зависит от целей анализа и является относительным, релевантным этим целям. Одни авторы вычленяют сомы на основе категориального подхода, те, пытаются подвести семантический признак, входящий в смысл слова, под родовое понятие, как это делалось при классификации семантических разрядов слов. Например, слово «коробочка» будет содержать при таком подходе семы: *неодушевленное, предмет, искусственное, материал изготовления, форма, размер, цвет*. Понятно, что при таком обобщенном подходе к вычленению сем для воссоздания целостного смысла слова необходима дополнительная конкретизация. Поэтому И. А. Стернин считает, что сема состоит из семантического признака (категориальное значение) и семантического конкретизатора. «Семный конкретизатор есть часть семы, конкретизирующая соответствующий семантический признак»¹⁸.

В цепочке слов «девочка — девушка — женщина — старуха» обнаруживаются совпадающие (интегральные) семы (*одушевленное + лицо + женского пола*) и дифференциальная сема возраст, но в каждом слове сему возраст необходимо дополнить семным конкретизатором (детство, юность, зрелость, старость). Иногда семный конкретизатор будет на последнем уровне различения смысла просто совпадать с самим словом. Например, в сему «форма» в качестве семного конкретизатора могут входить предикатные имена *круглый, овальный, квадратный*, в сему окраски — *яркий, пестрый, голубой*, в сему размера — *большой, маленький, огромный, крохотный*¹⁹.

Другие авторы стремятся максимально конкретно обозначить сему, избегая расщепления на категориальный признак и семантический конкретизатор. Например, березнячок — *береза + лес + + молодость + малая величина*²⁰.

Семный анализ позволяет выявить иерархическую структуру смысла слова. В связи отдельных сем проявляются гиперогипонимические отношения, например, лимонад — *вещество + жидкость + напиток*. Наиболее общую, родовую сему называют архисемой: медведь — *животное*, стул — *мебель*. С точки зрения доминирования признаков в смысле слова различают ядерные и

периферийные семы. Ядерные семы образуют исходную доминанту смысла, наиболее типичную и распространенную для его понимания. Например, в слове *сосед* обнаруживается ядерная сема живущий в том же доме (по соседству). Сема, дополняющая доминанту смысла, но не являющаяся обязательной, называется периферийной. Например, в слове *сосед* периферийной будет сема «*хозяин соседней квартиры*». Среди периферийных сем по степени их связи с основным смыслом различают семы автономные и вероятностные. Так, в нашем примере в сильной степени вероятностной будет сема *знакомый*, а возможные семы *холостяк*, *старый*, *пенсионер* будут автономными. Архисема и ядерные семы характеризуют устойчивые обязательные, повторяющиеся компоненты смысла слова, а периферийные (автономные и вероятностные) выражают вариативный аспект смысла слова, развиваемый в коммуникативных актах.

В семном строении смысла слова проявляется тонкая полевая структура языка. Слова оказываются связанными в определенные группы, внутри которых они соотносятся друг с другом по смыслу. Их связывают отношения т о ж д е с т в а (синонимы), о п п о з и ц и и (различаются по смыслу дифференциальной семой) п р о т и в о п о с т а в л е н и я (антонимы и конверсивы: *великан*— *карлик*, *купить* — *продать*), т р а н с ф о р м а ц и и (*добрый*— *добро*— *добряк*).

В семмах отражаются не только присущие объекту или явлению признаки (позитивные семы), но и признаки, отсутствующие у них, но существенные для понимания смысла (негативные семы). Например, в слове *планер* ядерной негативной семой будет *безмоторный* (летательный аппарат). В слове *может* выражаться коннотативный (оценочный, эмоциональный) оттенок смысла, ср. *человек* и *человечище*. Для некоторых слов оценочное значение в смысле является доминирующим, ядерным: *негодяй*, *подлец*, *гений*.

Уже в ходе исследования таксономии имен были обнаружены отношения сочетаемости и несочетаемости имен с предикатами. Семный анализ позволяет обнаружить тонкую структуру этой сочетаемости, поскольку наличие в слове определенных сем характеризует тот круг семантических признаков, которые могут сочетаться с данным словом. Чтобы охарактеризовать данный круг, вводят понятие аспекта смысла (И. А. Стернин). Аспект смысла — это «совокупность сем, отражающих объект номинации с какой-нибудь одной стороны»²¹. Например, в слове *студент* присутствуют семы, выражающие материально-веществен -

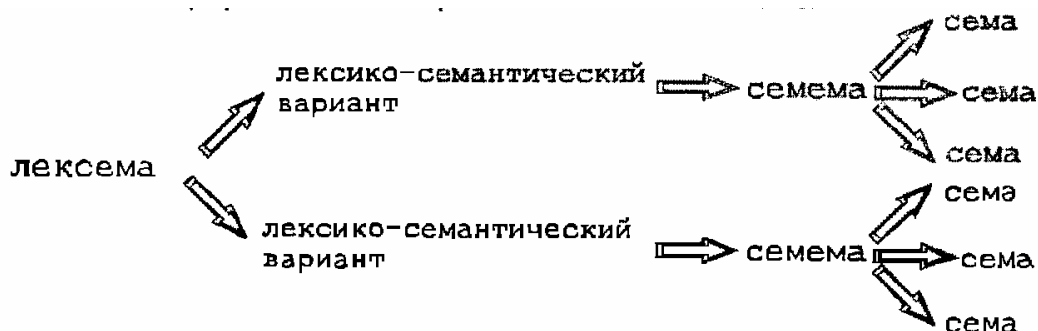
ный (*тяжелый, лежит, плывет, упал*), биологический (*ест, спит, растет, болеет*), социально-психологический (*читает, говорит, учится*) аспекты. Следовательно, понятие аспекта смысла вводит круг семантических признаков, которые могут быть присущи слову в определенных контекстах. Оно накладывает ограничения на сочетаемость слов. Так, можно образовать сочетание высокий человек, но нельзя сказать высокая личность, ибо в слове личность отсутствует материально - вещественный аспект, который наличествует в слове человек.

Совокупность сем (архисемы, ядерных и периферийных сем) образует целостную семантическую систему смысла слова. Эта совокупность сем называется с е м е м о й. Следовательно, семема в потенции содержит полный смысл слова.

Вместе с тем в национальном лексиконе присутствуют неоднозначные слова, ср. *хворост₁* (*печенье*) и *хворост₂* (*сухие опавшие ветви*); *труба₁* (*музыкальный инструмент*), *труба₂* (*длинный полый цилиндр*), *труба₃* (*часть печи, предназначенная для выхода дыма*); *голос₁* (*звук, произносимый гортанью*), *голос₂* (*манифестация личного мнения на выборах*) и т.п. Хотя все неоднозначные слова в указанных группах принадлежат одной лексеме, их смыслы настолько различаются, что, кажется, они готовы образовать самостоятельные слова.

Различные варианты смысла, содержащиеся в слове (внутри системы языка), получили название лексико-семантических вариантов²². Каждый лексико-семантический вариант характеризуется собственной семемой. Безусловно, семемы, относящиеся к разным лексико-семантическим вариантам слова, пересекаются в каких-то семах, но общая сема отнюдь не является существенной. Например, в значениях *хворост₁* и *хворост₂* общей является сема «хрупкость», для *трубы₁*, *трубы₂* и *трубы₃* — сема «полость», для голоса в различных вариантах — сема «манифестируемое».

Таким образом, если брать слово (лексему) в системе языка (т.е. в потенциале возможных смыслов), то обнаруживается сложное иерархическое строение его семантики:

В каждом конкретном высказывании реализуется не все богатство смысла, представленное этой структурой, а определенные грани смысла слова, его конкретизированный и редуцированный к некоторому лексическому значению смысл, который называют еще актуализированным значением. Каждое слово в лексиконе языка — это определенная тема для размышлений развития смысла. Не случайно Филлмор указывал на сценарный состав слов²³. Например, слово «писать» вызывает в уме целую сцену: нахлынувшее воспоминание, желание исповедаться перед кем-то, образ знакомого адресата, сомнение, решение, ручка, бумага, письмо²⁴.

Можно утверждать, что смысл слова — это все то, что можно высказать на тему, заданную словом. Смысл слова высказывается в речи, в коммуникативных актах. Слово способно порождать целый дискурс. Но именно поэтому анализ смысла постепенно переместился от слова к высказыванию (предложению).

Пропозициональная структура смысла

Высказывание характеризуется определенной семантической автономностью: его смысл находится в нем самом. Именно в высказывании (предложении) проявляется целостность смысла, его определенная завершенность, недоступная отдельному слову, и именно поэтому оно становится основным объектом, своеобразной лингвистической парадигмой в исследовании смысла.

Однако высказывание (предложение) может иметь различную форму, модальность, быть простым или сложным. В анализе смысла важно было найти такую минимальную семантическую единицу, которая сохраняла бы его целостность, автономность, была бы типичной для всевозможных смыслов. Такая единица была найдена и получила название пропозиции (proposition с лат. суждение).

Понятие пропозиции явилось ключевым для анализа самой простой, элементарной единицы выражения смысла. «Нужда в пропозиции, — как отмечал Куайн, — ощущалась столь остро потому, что речь шла о некоторой ключевой категории, по отношению к которой осмыслялись другие логические понятия»²⁵. Семантическая схема пропозиции элементарно проста, она связывает логический субъект суждения и его предикат, пропозиция сообщает нечто о предмете мысли: «Нечто (или некто, называемый именем М) обладает некоторым свойством Р». Субъект высказывания только намечает тему мыслительного акта, смысл сказываемого (сообщаемого), т.е. то, что мы, собственно, хо-

тим сказать о субъекте, разворачивается в предикации. Соединение предиката с субъектом образует законченную мысль, т.е. предложение.

По-видимому, пропозиция принадлежит к архетипическим проявлениям элементарного смысла. Эта мысль-сообщение к состояла в характеристике вещи через указание присущих ей свойств. Поэтому архетип смысла предполагал связывание имени М с предикатом Р (*лев — рычит, собака — лает*). Пропозиция является элементарным предложением. Как отмечал Л. Витгенштейн, «только предложение имеет смысл, только в контексте предложения имя обладает значением»²⁶.

Пропозиция является логическим скелетом любого предложения. Любое возможное предложение выглядит как украшение и модификация базовой пропозиции. Чтобы выявить последнюю, необходимо найти тот смысловой инвариант, который безразличен к его выражениям в разных предложениях. Например, выражения:

*Он двигался удивительно быстро;
Он двигался с удивительной быстротой;
Его движения были удивительно быстрыми;
Его движения удивляли нас своей быстротой;
Быстрота его движений была удивительна;
Быстрота, с которой он двигался, удивляла нас;
Он удивлял нас тем, что двигался быстро;
Он удивлял нас своими быстрыми движениями;
Он удивлял нас быстротой своих движений*

содержат одну и ту же смысловую пропозицию: Он быстро двигался. Не случайно поэтому А. Черч отмечает, что «смысл предложения можно описать как то ... что имеют общего два предложения в разных языках, если они правильно переводят друг друга»²⁷. Пропозиция так важна для анализа элементарной конструкции смысла именно потому, что она позволяет пренебречь вариативностью выражения и за множеством лингвистических форм обнаруживает их смысловой инвариант.

В работе Н. Д. Арутюновой подробно прослеживается становление пропозициональной парадигмы смысла¹⁸. В трактовках пропозиции прежде всего наметилась тенденция отделения содержания сообщаемого от того, что мы думаем по этому поводу. В предложениях *Я думаю, что Петр приехал, Мне нравится, что Петр приехал, Я уверен, что Петр приехал* содержится одна и та же пропозиция — *Петр приехал*. И даже вопрос *Приехал ли*

Петр? варьирует ту же самую пропозицию — *Петр приехал*. На пути последовательного осуществления этой тенденции пришлось признать, что пропозиция должна быть отделена не только от выражения намерений говорящего, но и от любой сопутствующей формы модальности: утверждения, Проблематичности, вероятности высказывания. «Пропозицией, — полагает Н. Д. Арутюнова, — стали называть семантическую структуру, способную входить в модальную рамку»²⁹. К пропозиции относится то содержание мысли, которое «может быть подвергнуто утверждению, отрицанию, предположению сомнению и т.д.»³⁰.

В трактовках пропозиции высказывались идеи, которые можно встретить и в наше время. Отмечалось, что пропозиция описывает элементарный факт, выражает истинностное значение, положение дел в мире и т.д. От всех этих трактовок приходится отказаться, если допустить, что пропозиция безразлична к утверждению или отрицанию, возможности, сомнению. В пропозиции главным оказывается смысл сказанного, инвариантный по отношению как к намерениям говорящего, так и его реализации в каком-либо мире. Как считал в свое время Б. Рассел, смысл выражения *идет дождь* следует искать не в факте сияния Солнца или нависших тучах. Смысл сказанного задается самой семантической структурой выражения. Смысл противоположен не ложности, а абсурду, Абсурд разрушает смысл высказывания.

Остается признать, что пропозиция составляет содержание высказывания (диктум), которому в коммуникативном акте может быть придана любая модальная форма. Смысл является функцией пропозиции, он задается ее семантической конструкцией. Следовательно, основание смысла следует искать во внутренней конструкции пропозиции, связывающей имена и предикаты.

Первым и необходимым условием образования смысла выступает семантическая значимость исходных элементов высказывания, т.е. терминов пропозиции. Из бессмысленных терминов нельзя построить осмысленного высказывания, даже если мы их свяжем по правилам синтаксиса. Примером бессмысленной фразы является известное выражение Щербы, очень напоминающее синтаксисом русское предложение: *Глокая куздра штеко бодрнула бокра и кудрячит бокренка*. Однако сам по себе выбор семантически значимых слов еще не обеспечивает смысла целостного высказывания, т.е. не является достаточным для осмысленного выражения. В образовании смысла существуют определенные правила запрета на образование определенной последовательной комбинации слов.

В конструкции высказывания прослеживается системная орга-

низация входящих в него слов. Существуют две системообразующие оси этой конструкции. По одной, горизонтальной, оси, соответствующей линейному порядку следования лексем в высказываниях, образуется синтагматический ряд. Синтагма связывает соседние слова определенными смысловыми и синтаксическими отношениями. Есть минимальные синтагмы со свободными переменными, т.е. допускающими выбор следующей за каким-нибудь словом лексем (собака лает, студент учится), и синтагмы с жестко связанными лексемами: выйти в свет (о книге), гонка вооружений, вплоть до идиом, т.е. нерасторжимо семантического сплава лексем (птичьи права, не бросать слов на ветер). В случае свободных синтагматических сочетаний выбор следующей в ряду лексем всегда ограничен определенным набором слов, существующим в системе языка. Этот возможный набор слов образует смысловую парадигму, например, собака →(лает, кусается, рычит и т.п.), но не думает, строит, говорит и т.п. Выбор конкретной лексем из парадигмального набора зачеркивает возможности для использования других слов существующей парадигмы, тогда как реализация какой-нибудь лексем в синтагматической последовательности предполагает смысловую обусловленность следующего за ней слова. Таким образом, имеются вертикальная (парадигматическая) и горизонтальная (синтагматическая) оси конструирования высказывания.

Реализация синтагматического ряда регулируется тремя программами: семантической согласованностью, лексической сочетаемостью и синтаксическим управлением (синтаксисом). Семантическое согласование связано с существованием различных семантических разрядов слов, со смысловым соответствием предикатов выбранным именам. По сути, семантическая согласованность основана на повторяемости сем в именах и предикатах; в случае нарушения этой согласованности, особенно когда предикатная сема находится в контрарных отношениях с актуализируемой семой имени, возникает бессмыслица: *Жил высокий человек маленького роста, был кудрявый без волос, тоненький как бочка.* Такая несогласуемая предикация иногда характеризуется как семантическая невменяемость»⁷¹. Все правильно построенные конструкции смысла, т.е. осмысленные высказывания, располагаются между двумя семантическими полюсами: тавтологией (*Сократ есть Сократ*) и противоречием (*Холостяк познакомил нас со своей женой*). Сообщение, несущее смысл, обладает максимальной информативностью, когда в предикации актуализируются неожиданные, периферийные семы имени, и минимальной ин -

формативностью, когда предикатная группа актуализирует ядерные Семы и особенно архисему имени (*тигр — хищник, дом — строение*).

Сопряженность слон по смыслу связанную с пересечением семантических компонентов слов (Сем), Ю. Д. Апресян называет «Семантической конгруэнтностью»³². Семантическая конгруэнтность обусловлена логикой отношения имен и предикатов, сопряженностью таксономии имен и типологии предикатов, семным Составом имени и аспектом смысла, актуализируемым в предикации. Предикатом *сушить* можно охарактеризовать все, что мокро, *разводиться* можно только с собственной женой (но не с любовницей), *красть* — только чужую собственность, *сыпаться* можно сказать только о зернистой массе, *литься* - о жидкости, *разбиться* — о стекле,

Однако в языке возникают ограничения на сочетания слов, которые трудно назвать Семантическими, но тем не менее она являются достаточно жесткими. Так, одна и та же характеристика цвета будет выражаться различными лексемами в зависимости от сопряженного слова, обозначающего имя: *коричневое платье, каштановые волосы, карие глаза, каурая лошадь*. Если в данном примере название одного и того же цвета варьируется по отношению к разным денотатам, то в следующем примере нет даже и речи о разных денотатах. Говорят *круглый дурак* и *полный идиот*, но не наоборот. Во всех перечисленных примерах мы имеем дело с лексической сочетаемостью, основанной на языковых конвенциях. Смысл слова «высота» в геометрии означает «перпендикуляр, опущенный из вершины к основанию фигуры». Однако в применении к тонкой пластине принято говорить о «толщине», к проводу, тянущемуся снизу вверх, — о его «длине», но о горе говорят — «высокая». Такие общепринятые конвенции в языке выражают лексическую сочетаемость слов.

За семантической согласованностью просвечивает логика отношения вещей и их свойств, за лексической сочетаемостью стоят конвенциональные отношения лексем³³.

Порядок слов в высказывании подчиняется также определенным правилам синтаксиса. Синтаксическое управление требует согласования слов по числу, времени, роду, падежу и т.д. Нарушение синтаксического управления мы часто встречаем в речи плохо владеющего чужим языком иностранца. Синтаксис управляет последовательностью и Согласованностью слов в высказывании, которые располагаются на определенных синтаксических позициях. Однако, как мы видели, и семантическая согласован-

ность требует определенного порядка в последовательности слов. Поэтому разделить синтаксические и семантические отношения оказалось не так просто. Строго говоря, лишь грамматическое согласование слов в их последовательностях может быть отнесено к чисто синтаксическому управлению. Однако при развертывании смысла высказывания часто обнаруживается логическая необходимость различных дополнений смысла, указаний на обстоятельства протекающего события. Все эти уточнители и восполнители смысла выражают сценарный характер высказывания. Их расположение на определенных синтаксических позициях отражает уже семантические отношения, связанные с конкретизацией смысла и его полнотой³⁴.

Чаще всего характеристики события или процесса передается глаголами, требующими определенного восполнения соответствующими актантами. Так, глаголы действия предполагают: *объект воздействия, цель, условия (обстоятельства) воздействия (где, когда), субъекта (носитель действия), например, копать землю лопатой, есть пищу ложкой, бряцать оружием с целью угрозы, отправиться в путешествие летом*. Заполнение синтаксических позиций соответствующими актантами в высказывании воссоздает целостную картину происходящего процесса или события. Здесь синтаксис накладывается на семантику, синтаксическое управление приобретает семантический характер. Поэтому, имея в виду эти процессы слияния синтаксиса и семантики, часто говорят о семантике синтаксиса, о семантических структурах синтаксиса³⁵.

Синтаксис вообще не безразличен к смыслу высказывания. Один и тот же набор лексем, отличаясь лишь незначительно порядком слов, может породить иногда весьма различные смыслы. Сравним, например, фразы: *Россию ждет век процветания, Россия век ждет процветания*. Бессмыслица, абсурд могут вытекать не только из нарушения семной сочетаемости (т.е. семантики), но и из-за синтаксических нарушений в порядке актантов в синтаксическом ряду. В небылице — *Ехала деревня мимо мужика. Вдруг изпод собаки лают ворота! Выскочила скалка с бабою в руке. Начала дубасить коня на мужике* явно смешаны (т.е. перепутаны) синтаксические позиции актантов.

В теории порождающей (генеративной) грамматики, созданной Н. Хомским и Дж. Миллером, был предложен метод представления структуры предложения, названный трансформацией³⁶. При трансформации исходное предложение, представляющее поверхностную структуру, раскладывается на составляющие, которые представляют именную группу NP и глагольную груп -

пу VP. Далее изнутри этих групп раскрываются синтаксические связи между актантами и т. д. В результате получается структурное дерево предложения, прорисовывается глубинный синтаксис, обнаруживающей ядерную пропозицию и разветвления внутри именной и предикатной групп. Так, предложение *Мудрый человек всегда добр на языке* глубинных структур обнаруживает ядерную пропозицию (*человек добр*) и дополнительную пропозицию в именной группе (*человек мудр*). Не случайно, поэтому Е. В. Падучева отмечает, что «самый семантический» из синтаксических уровней — глубинная структура³⁷.

С помощью синтаксических трансформаций можно устранить двусмысленность в поверхностной, т.е. высказываемой, структуре предложения. Например известная фраза *Роняет лес багряный свой убор* явно двусмысленна: то ли багряный лес роняет свой убор, то ли лес роняет свой багряный убор. Представление синтаксического дерева этих двух последних предложений показывает что они имеют различные глубинные структуры, которые на поверхностном уровне были неразличимы.

Итак, смысл формируется в высказывании которое обнаруживает три программы (уровня) конструкции смысла: семантическое согласование лексическую сочетаемость и синтаксическое управление. Любые сбои в этих программах ведут либо к двусмысленностям либо к потере смысла, либо к абсурду. Например, во фразе *фонема* (1) *обоняла* (2) *звук* (3) *запах* (4) позиции (1—2), (2—3), (3—4) синтаксически правильны, позиции (1—3), (2—4) семантически связаны (т.е. имеют общие семы), однако в синтаксически связанных позициях нет общих сем. В результате все предложение воспринимается как бессмыслица.

Смысл является системной конструкцией, обладающей тонкой органикой связи смыслонесущих элементов (лексем). Нарушение хрупкой органики смысла наподобие сбоя наследственной программы организма ведут к появлению «смысловых мутантов».

Необходимо отметить еще одну особенность системной организации смысла в высказывании: это его эмерджентность, системная новизна по отношению к составляющим лексемам. Смысл высказывания не сводится к сумме слов, в потенциальной системе языка, как мы видели, слова имеют сложный семантический состав: они включают разные лексико-семантические варианты (ЛСВ), каждый из которых опирается на свою семему, т.е. группу сем. В отдельном высказывании никогда не проявляется весь набор сем, а реализуется, т.е. конкретизируется какая-либо сема из их потенциального набора. Таким образом, в кон-

кретном высказывании (коммуникативном акте) происходит актуализация смысла отдельных слов по закону: лексема → ЛСВ → сема.

Рассмотрим группу неоднозначных слов (те. имеющих разные лексико-семантические варианты): *кондитер* (*изготовитель сладостей*) (1) и *кондитер* (*торговец сладостями*) (2); *жарить* (*изготавливать пищу нагреванием в масле*) (3) и *жарить* (*обдавать зноем*) (4); *хворост* (*опавшие сухие ветви*) (5) и *хворост* (*печенье*) (6); *газовый* (*состоящий из газа*) (7) и *газовый* (*работающий на энергии сжигаемого газа*) (8); *плита* (*плоская пластина твердого материала*) (9) и *плита* (*нагревательное устройство*) (10). В предложении *Хороший кондитер не жарит хворост на газовой плите* будет актуализировано сочетание 1—3—6—8—10, что дает вполне осмысленную конструкцию. Другие комбинации семантических признаков слов приводят либо к потере смысла, либо к абсурду³⁸.

Таким образом, обнаруживается глубокое различие а известном противопоставлении между «знанием слов» и «умением говорить». Можно знать все отдельные слова, но не понимать смысла всего высказывания. Смысл высказывания — это новое образование по отношению к составляющим его словам.

Топологическая структура смысла

Вернемся теперь к исходной проблеме первичности смысла. Что первично в смысле: слово или предложение? Какой бы вариант ответа на этот вопрос мы не выбрали, он заводит нас в тупик, и это свидетельствует о том, что, по-видимому, вопрос в корне неправилен. Он ставит нас перед необходимостью выбора, которая разрушает тонкую органику языка.

Первое, что мы можем с уверенностью зафиксировать на основе предшествующего анализа, сводится к утверждению: **нет высказываний вне слов**. Высказывание строится из слов, представляющих собой исходные смыслонесущие элементы. Из ничего (из терминов, лишенных смысла) нельзя построить нечто — осмысленное высказывание. Более того, мы выяснили, что высказывание не является даже суммой смыслов отдельных слов, а конструируется на основе иерархической программы связывания смыслов слов, их сопряжения в целостном высказывании, дающем элементарный (качественно новый) смысл. Итак, слова являются конструктивными элементами высказывания, которые должны быть предпосланы любому высказыванию.

Второй тезис, вытекающий из анализа смысла слов и не ме-

нее убедительный, сводится к тому, что **смысл слова не существует вне высказываний**, т.е. сам по себе автономно. Смысл вообще имеет высказывательную природу, его основой является пропозиция. Всякий раз, когда от нас требуют разъяснить смысл отдельного слова, мы вынуждены прибегать к конкретизирующему высказыванию, т.е. раскрывать дефиницию его смысла.

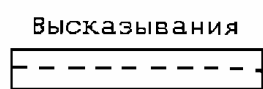
Таким образом, мы вынуждены зафиксировать антиномическую природу структуры смысла: а) высказывание через слова; б) смысл слова через высказывание.

О чем это говорит? Это свидетельствует о том, что за основу модели построения смысла нельзя брать устоявшиеся стереотипы образов, вроде деталей детского конструктора, из которого собирается какая-либо машина, или атомно-молекулярную модель (молекулы из атомов), или образ вложенных друг в друга матрешек. Все эти модели основаны на идее составимости «целого» из «частей», которые должны существовать отдельно, предшествовать целому. Но язык — это такая «хитрая» система, в которой «целое» и «часть» (если можно применить эту терминологию к языку) непрерывно переходят друг в друга. Часть, ассоциируемая со словом, содержит внутри себя нечто целостное (дефинирующее высказывание), целое (высказывание) строится из частей (слов).

Можно ли наглядно, модельно представить себе структуру, которая удовлетворяла бы сформулированным тезисам? Такой образ существует в топологии, он дается односторонней поверхностью (лист Мебиуса). Лист Мебиуса получается, если тонкую полоску бумаги повернуть вокруг продольной оси на 180° и соединить в круг ее концы. Получится вывернутый на пол-оборота круг. Если поставим карандаш на «верхнюю» поверхность образованного круга и опишем траекторию в 360° , то окажемся уже «внизу» поверхности, точно под верхней точкой. Продолжим движение в избранном направлении еще на 360° и окажемся вновь «вверху», на исходной точке. Если разрежем лист Мебиуса, т.е. вновь образуем тонкую полоску, то увидим, что траектория, прочерченная карандашом, будет непрерывно располагаться снизу и сверху нашей полоски. Следовательно, двигаясь по листу Мебиуса, мы оказываемся то «вверху», то «внизу». Правильнее сказать, что лист Мебиуса не имеет ни «низа», ни «верха», он является односторонней поверхностью.

Применим данную модель к решению нашей проблемы. Допустим, что на тонкой длинной полоске мы можем сверху на -

писать все возможные высказывания, а снизу все слова данного языка (рис. 2). Теперь образуем из этой полоски лист Мебиуса (рис. 3). Тогда, двигаясь по поверхности листа кругообразно, мы будем плавно переходить от слов к высказываниям и от высказываний к словам. Мы получили топологическую структуру смысла, в которой высказывания состоят из слов (имеют под собой слова), в каждое слово эксплицируется (содержит внутри себя) высказывание.

Слова
Рис.2

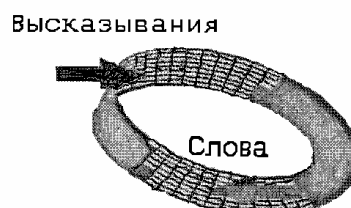

Рис.3

Высказывание, раскрывающее смысл слова, можно трактовать как семантическую развертку. Семантическая развертка является экспликацией смысла слова, а отношение между семантической разверткой и самим словом — логическим эквивалентом. Когда мы строим некоторое высказывание из слов, то обычно в нашем лексиконе слова присутствуют с неявным (имплицитным) смыслом. Имплицитный смысл слова, содержащийся в его смысловой потенции, представляет семантическую свертку дефинирующего высказывания³⁹. движение по нашему кругу от поясняющего высказывания к слову соответствует семантической свертке, а движение от слова к раскрытию его смысла в высказывании — семантической развертке.

Язык в широком смысле существует, как известно, в двух своих неразрывно связанных ипостасях. Во-первых, в общественном сознании нации как система слов с правилами оперирования ими (язык в потенции) и, во-вторых, в речевой деятельности отдельных индивидов. Указанная модель позволяет пояснить и эту взаимосвязь между двумя ипостасями языка.

В коммуникативной деятельности индивидов слова берутся из общенационального языка как предпосылочной системы исходных смыслов, и из них по законам семантической, лексической и синтаксической связи образуются высказывания. Эта операция соответствует движению по нашему кругу от слов к высказываниям. В процессе движения сами слова наполняются новыми смыслами: формируются новые периферийные семы, оттенки

смысла, возникают переносные смыслы,okkaзиональное становится узуальным, т.е. общепринятым, типичным. Обогащенные смыслом слова вновь возвращаются в потенциальную систему языка, в словарях фиксируются новые значения слова, отмечаются новые лексико-семантические варианты лексем. Таким образом, сама система языка, аккумулируя новые смыслы, постоянно обогащается за счет речевой деятельности. И этот вечный процесс движения по топологической структуре смысла непрерывно порождает новые высказывания и новые смыслы слов.

Конечно, вновь и вновь возникает роковой вопрос о «начале начал», о самом первом древнем языке. Что там было исходным: слово или предложение? По существу, этот исторический вопрос лежит за рамками нашего исследования. Однако хотелось бы отметить следующее.

Возможно, мы никогда не ответим на этот вопрос. Самая уязвимая проблема в этих спорах о «первичном языке» — неопределенность маркировки «начала начал», которая, по-видимому, весьма относительна. Если возвращаться в глубь истории, то где следует поставить границу, отделяющую «язык» животных от человеческого языка? Ясно, что «язык» животных принципиально отличается от человеческого языка, ибо в первом нет ни слов, ни высказываний. Человеческое слово всегда носит обобщенный и абстрактный характер. В системе языка существуют только общие имена, индивидуальные имена уже требуют описания.

«Знак» животного — это не слово и не аналогия слова. Все знаки в коммуникации животных непосредственно вплетены в ситуацию их жизнедеятельности (охоты, угрозы, тревоги, брачных отношений, голода, жажды и т.п.), на что неоднократно указывали Л. С. Выготский и А. Р. Лурия. Вне связи с жизненной ситуацией эти знаки не обладают значимостью. Наоборот, человеческое слово наделено в своей потенции универсальным смыслом, т.е. носит обобщенный и общезначимый (для всех людей) характер. Но смысл человеческого слова может быть раскрыт только в поясняющем его высказывании или этот смысл присутствует (особенно в личностном лексиконе) имплицитно, в семантически свернутом виде. Знаки животного репрезентируют его аффекты в жизненных ситуациях, слово человеческого языка обладает обобщенным и общезначимым смыслом, абстрагированным от конкретной ситуации.

Таким образом, неясно, в каком смысле вообще можно говорить о первичном языке? Там, где нет обобщенных слов и высказываний, нет и человеческого языка, а там, где мы име-

ем дело с человеческим языком, высказывания строятся из слов, а слова раскрывают свой смысл через высказывания.

¹ См.: У ф и м ц е в а А. А. Лексическое значение (Принцип семиологического описания лексики). М., 1986.

² См.: Там же. С. 67.

³ См.: Ф р е г е Г. Смысл я денотат // Семиотика и информация. М., 1997. Вып. 8; О н ж е. Логические исследования. Томск, 1997; О н ж е. Избранные работы. М., 1997; Р а с с е л Б. Дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XIII; О н ж е. Философия логического атомизма. Томск, 1999; О н ж е. Логический атомизм // Аналитическая философия: становление и развитие (антология). М., 1998, О н ж е. Исследование значения и истины. М., 1999.

⁴ Индивидуное имя является нарицательным и относится к единичной вещи или лицу, тогда как подлинно собственное имя пишется с заглавной буквы и выступает социокультурным актом наречия (наименования) людей, городов, событий и рек. Это различие чрезвычайно важно, так как считается, что индивидуальные имена имеют смысл, а собственные являются актом своеобразного «крещения» и не имеют смысла. Более подробно об этом см.: К р а в е ц А. С. Имена и дескрипции: семантическая сверстка // Человек, познание, культура. Воронеж, 2000. Вып. 1.

⁵ См.: Б и р ю к о в Б. В. Теория смысла г. Фреге // Применение логики в науке и технике. М., 1963.

⁶ См.: П о п о в а З. Д., С т е р н и н И. А. Концепты. Воронеж, 2000.

⁷ Г а к В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. М., 1973.

⁸ В и т г е н ш т е й н Г. Логико-философский трактат. М., 1958.

⁹ См.: Р а с с е л Б. О дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XIII.

¹⁰ См.: Р а с с е л Б. Философия логического атомизма. Томск, 1999.

¹¹ См.: А п р е с я н Ю. Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка) М., 1974. С. 99—114.

¹² Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1. С. 710.

¹³ Особую группу составляют неполнозначные имена: союзы, дейктика, выражаемая местоимениями (тот, этот и т.д.), предлоги.

¹⁴ См.: С т е п а н о в Ю. С. Имена, предикаты, предложения. М., 1981. С. 74, 121.

¹⁵ См.: У ф и м ц е в а А. А. Указ. соч. С. 98, 112.

¹⁶ См.: Там же.

¹⁷ См.: Г а к В. Г. Семантическая структура слова как компонент ее семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. Психоаналитические исследования. М., 1971. С. 81.

¹⁸ С т е р н и н И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985. С. 45.

¹⁹ См.: Там же.

²⁰ См.: А п р е с я н Ю. Д. Указ. соч. С. 9.

²¹ С т е р н и н И. А. Указ. соч. С. 51.

²² См.: Уфимцева А. А. Указ. соч. С. 32—35.

²³ Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. XII.

²⁴ Яркий пример раскрытия подобной сцены дан в стихотворении А. С. Пушкина «Осень»:

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И вальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута и стихи свободно потекут.

²⁵ Quine W. O. World and object. N. Y., 1968, P. 206.

²⁶ Витгенштейн Г. Указ. соч. С. 39.

²⁷ Черч А. Введение в математическую логику. М., 1976. Т. 1. С. 31.

²⁸ См.: Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.

²⁹ Там же. С. 34.

³⁰ Lewis C. J. an analysis of knowledge and valuation. La Salle, 1996. P. 49.

³¹ Арутюнова Н. Д. Указ. соч. С. 117.

³² Апресян Ю. Д. Указ. соч. С. 80.

³³ См.: Там же. С. 61—62.

³⁴ См.: Уфимцева А. А. Указ. соч. С. 164.

³⁵ См.: Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М., 1974.

³⁶ См.: Хомский Н., Миллер Дж. Введение в формальный анализ естественных языков // Кибернетический сборник. Новая серия. М., 1965. Вып. 1; Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М., 1972; Он же. Язык и мышление. М., 1972.

³⁷ См.: Падучева Е. В. Указ. соч. С. 26.

³⁸ Пример рассмотрен Ю. Д. Апресяном. См.: Апресян Ю. Д. Указ. соч. С. 13.

³⁹ О понятиях семантической сверстки и разверстки см.: Кравец А. С. Имена и дескрипции: семантическая сверстка // Человек, познание, культура. Воронеж, 2000. Вып. 1.